

Оливье Лапидус: я оплатил убийце Версаче самолет в обе стороны

Коммерсант-дэйли. — 1997. — 7 авг. — с. 6

Свое единственное интервью в Москве ОЛИВЬЕ ЛАПИДУС дал корреспонденту «Коммерсанта-Daily» ФЕДОРУ ПАВЛОВУ-АНДРЕЕВИЧУ, рассказав о своих отношениях с недавно убитым Джанни Версаче.

— Чтобы больше не говорить о Версаче, давайте скажем о нем в самом начале. Вы, по-моему, злорадствуете.

— Ничего подобного. Я просто больше не могу обсуждать его смерть. Нужно сказать просто и веско, один раз: «Человек умер». Добавить нечего.

— Но этот человек, он был вашим конкурентом?

— О какой конкуренции здесь можно говорить? Он был итальянцем, я был и остаюсь французом. Мой дом всегда делал высокую моду, а он изобретал новую классику. Зато теперь это делает каждый. Кроме меня.

— Наверное, французской моде теперь будет легче.

— Французская мода страдает не из-за итальянской, а из-за самой себя. Из-за классических рамок, выйти за которые вообще-то нельзя, а если и можно, то только с помощью экстравагантных, но не слишком талантливых англичан, способных на все ради promotion. Это крайность.

— Среди французов теперь модно ругать Галлиано.

— Ах, вот как его фамилия! А то я все время забываю.

— Но мы не закончили о Версаче. Вы обмолвились о каком-то скандале с прессой.

— Никакого скандала не было. Я дружу с журналистами. Я, может быть, дружу с ними так, как ни один другой кутюрье. (Действительно, последнее дефиле Лапидуса вызвало теплые отклики во всех французских газетах. — «Ъ»). И после убийства Версаче мне непрерывно звонили из разных редакций и просили дать комментарий. Конечно: Лагерфельд был в загородном замке, Лакруа уехал с турне по странам Средней Азии, Пако Рабанн отправился в Испанию — вся честь комментировать эту смерть была оказана мне. Я изошелся как мог, потому что журналистам, с которыми дружишь, отказывать нельзя.

В конце концов Le Figaro опубликовал последнюю фразу из моего интервью и преподнес ее в качестве заголовка к обзору общественной реакции. Это выглядело более чем странно: «Оливье Лапидус: „Благодаря Версаче наши невесты надели черное“». Но это только последняя фраза! Перед этим было и сострадание, и поддержка, и необходимые соболезнования семье, и анализ возможных причин, и все остальное — по десяти положенным пунктам. Но осталось только это, и теперь меня обвиняют в цинизме. Ведь на самом

деле меня очень задела смерть Версаче. Я не был к ней готов.

— Значит, все-таки, вы его не убивали. Потому что по Москве ходят слухи.

— Нет, я только оплатил убийце самолет в обе стороны.

— А какая из версий может оказаться наиболее близкой к реальности? Ведь вам известно больше, чем всем.

— Нет, просто мне случайно, без особого к тому стремления, стали известны некоторые факты, которые, впрочем, полиция уже знает.

— Расскажите и нам.

— Мы оказались вместе с Версаче на одном закрытом приеме незадолго до его гибели. Он был преувеличенно спокоен. Хотя я не настолько хорошо его знал, чтобы суметь различить настроение. Вот мой хороший друг Пако Рабанн — он был с ним знаком чуть ближе. Хотя в последнее время совсем с ним не общался. На этот прием он пришел с одним молодым американцем — как выясняется, не без криминального прошлого. Он был чуть ли не другом этого, предполагаемого убийцы.

Но больше я ничего не скажу: не могу и не знаю.

— Тогда о другом: зачем вы решили устроить мировую премьеру в Москве?

— Потому что в Москве — мое сердце. К тому же здесь — мой настоящий и будущий рынок, потому что уже сейчас наши продажи в Москве неизменно растут. В будущем мы планируем открыть «Французский дом Оливье Лапидуса» — с кафе, рестораном, галереей, кинотеатром и, конечно, бутиком.

— Почему такого дома нет в Париже?

— В Париже поздно заводить традиции. Новые устои там создают только те, кто экстравагантен или имеет отношение к гей-иерархии. Это сообщество, сравнительно молодое, воспринимает новые традиции и само их формирует. К сожалению или к счастью, я не отношусь к этой среде. А консервативные французы всем довольны, им ничего не нужно.

— Но есть, должно быть, и еще одна причина: в России у моды находятся спонсоры.

— Спонсоры у меня есть и в Париже. Самостоятельно я бы не смог устроить свадьбу в отеле «Крийон», напоить и накормить тысячу гостей, пригласить живых Gipsy Kings. Мне помогли многие — в том числе, Pierre Balmain и Paco Rabanne. А московскую премьеру помогла осуществить компания Martini.

— Видите, как странно. За показ вам платит Martini, вы едете на лимузине... Все же во Франции подобное невозможно. Свадьба — другое дело, это были свадебные подарки.

Clean look от Лапидуса: женщина в белом разучилась улыбаться

— Почему же? Совсем недавно, две недели назад, мы вернулись из Даяра (это на юге Франции), где у нас был показ в казино. А сейчас у нас есть подобное предложение из Довилля. Но я пока что это казино, а потому что как раз сейчас запускаю новую линию. Pret-a-porter с маркой Lapidus изменилось коренным образом. Думаете, мне хотелось менять стратегию? Думаете, Givenchy было просто уволить своего основателя? Просто есть рынок, и если с ним не считаться, он сведет счеты с тобой. Мои прошлые коллекции pret-a-porter были очень хороши, но я их мало кому показывал.

— Почему?

— Они тихо висели в моем бутике и тихо раскупались.

Но мой коммерческий партнер был в ужасе. Ведь невозможно прожить пятьдесят лет с одной и той же клиентурой. Одно дело — высокая мода, где действуют совсем иные правила, где клиенту не нужно новаторство, а нужна традиция. И совсем другое — готовое платье. Здесь приходится крутиться.

— Московские бутики проявили интерес к новой коллекции?

— Мне тут же предложили купить ее целиком, причем три разные компании. Но дело в том, что коллекция еще не закончена: к осенним дефиле в Париже я должен сделать как минимум еще столько же. А моя главная задача — открыть в Москве большой бутик, а потом уже заботиться о мелких.

— Как эти платья смотрятся на русских девушках?

— У них такие лица, как будто они выполняют особую миссию, а не просто ходят взад-вперед. Правда, они очень профессиональны. В прошлый раз здесь я работал с Red Stars: они более холодно отнеслись к работе, но были красивы. В нынешний приезд мы взяли других моделей — они работают проникновенно и среди них явно есть будущие парижские звезды.

— Ваша жена оказалась в Москве впервые.

— Да, и здесь она в третий и в последний раз надела свое свадебное платье. С тех пор, как мы поженились, прошло четыре месяца, и все это время она вспоминала об этом наряде. Она выходила в нем в финале январского дефиле на подиуме

Он профессионально обаятелен с журналистами

Оливье и его молодая жена Яра в своем московском лимузине

Лувра, потом надевала его на свадьбу, и очень обрадовалась, когда из Москвы позвонили и сказали, что хотят попросить ее выйти в платье невесты.

Правда, это платье придумывал не я: по французской традиции, жених не имеет права видеть свою невесту в свадебном туалете, пока не начнется венчание. Свадебный наряд для моей невесты сочинял весь дом Olivier Lapidus: от портных до секретарей. В финале показа я вышел на подиум с закрытыми глазами, а когда открыл, то увидел Яру.

После дефиле несколько моих друзей сделали мне трагический комплимент: «Это платье — лучшее, что ты сделал в своей жизни». Во всяком случае, теперь мне есть к чему стремиться.

Рисунок АНДРЕЯ БИЛЫХ